

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Виктор Платонович Некрасов

Вася Конаков

Василий Конаков, или просто Вася, как звали мы его в полку, был командиром пятой роты. Участок его обороны находился у самого подножья Мамаева кургана, господствующей над городом высоты, за овладение которой в течение всех пяти месяцев шли наиболее ожесточенные бои.

Участок был трудный, абсолютно ровный, ничем не защищенный, а главное с отвратительными подходами, насквозь простреливавшимися противником. Днем пятая рота была фактически отрезана от остального полка. Снабжение и связь с тылом происходили только ночью. Все это очень осложняло оборону участка. Надо было что-то предпринимать. И Конаков решил сделать ход сообщения между своими окопами и железнодорожной насыпью. Расстояние между ними было небольшое, метров двадцать, не больше, но кусочек этот был так пристрелян немецкими снайперами, что перебегать его днем было просто невыносимо. В довершение всего был декабрь, грунт промерз, и лопатами и кирками с ним ничего нельзя было поделывать. Надо было взрывать.

И вот тогда-то – я был в то время полковым инженером – мы и познакомились с Конаковым, а позднее даже и сдружились. До этого мы только изредка встречались на совещаниях командира полка да во время ночных проверок обороны. Обычно он больше молчал, в лучшем случае вставлял какую-нибудь односложную фразу, и впечатления о нем у меня как-то не складывалось никакого.

Однажды ночью он явился ко мне в землянку. С трудом втиснул свою массивную фигуру в мою клетушку и сел у входа на корточки. Смуглый кудрявый парень, с густыми черными бровями и неожиданно голубыми, при общей его черноте, глазами. Просидел он у меня недолго – выкурил сигарку, погрелся у печки и под конец попросил немного толу – «а то, будь оно неладно, все лопаты об этот чертов грунт сломал».

– Ладно, – сказал я. – Присылай солдат, я дам сколько надо.

– Солдат? – Он чуть-чуть улыбнулся краешком губ. – Не так-то у меня их много, чтоб гонять взад-вперед. Давай мне, сам понесу. – И он вытащил из-за пазухи телогрейки здоровенный мешок.

На следующую ночь он опять пришел, потом его старшина, потом опять он.

– Ну, как дела? – спрашивал я.

– Да ничего. Работаем понемножку. С рабочей-то силой не очень, сам знаешь.

С рабочей и вообще с какой-либо силой у нас тогда действительно было «не очень-то». В батальонах было по двадцать – тридцать активных штыков, а в других полках, говорят, и того меньше. Но что подразумевал Конаков, когда говорил о своей роте, я понял только несколько дней спустя, когда попал к нему в роту вместе с проверяющим из штаба дивизии капитаном. До сих пор я не мог никак к нему попасть, подвалило работы с минными полями на других участках, и до пятой роты как-то руки не дотягивались.

Последний раз, когда я там был, – это было недели полторы тому назад, – я с довольно-таки неприятным ощущением на душе перебежал эти проклятые двадцать метров, отделявшие окопы от насыпи, хотя была ночь и между ракетами было все-таки по две-три минуты темноты.

Сейчас прямо от насыпи, где стояли пулеметы и полковая сорокапятка, шел не очень, правда, глубокий, сантиметров на пятьдесят не больше, но по всем правилам сделанный ход сообщения до самой передовой.

Конакова в его блиндаже мы не застали. На ржавой, неизвестно откуда добытой кровати, укрывшись с головой шинелью, храпел старшина, в углу сидел скрючившись с подвешенной к уху трубкой молоденький связист.

– А где командир роты?

– Там... – куда-то в пространство, неопределенно махнул головой связист. – Позвать?

– Позвать.

– Подержите тогда трубку.

Вскоре он вернулся вместе с Конаковым.

– Здорово, инженер. В гости к нам пожаловали? – Он снял через голову автомат и стал расталкивать храпевшего старшину: – Подымайся, друг. Прогуляйся малость.

Старшина растерянно заморгал глазами, вытер рукой рот.

– Что, пора уже?

– Пора, пора. Протирай глаза и топай.

Старшина торопливо засунул руки в рукава шинели, снял со стены трофейный автомат и ползком выбрался из блиндажа. Мы с капитаном уселись у печки.

– Ну как? – спросил он, чтобы с чего-нибудь начать.

– Да ничего. – Конаков улыбнулся, как обычно, одними уголками губ. – Воюем помаленьку.

– И успешно?

– Да как сказать... Сейчас вот фриц утих, а днем, поганец, два раза совался.

– И отбили?

– Как видите, – он слегка замялся. – С людьми вот только беда...

– Ну с людьми везде туго, – привычной для того времени фразой ответил капитан и засмеялся. – За счет количества нужно качеством брать.

Конаков ничего не ответил. Потянулся за автоматом.

– Пойдем, что ли, по передовой пройдемся?

Мы вышли.

И тут-то выяснилось то, что ни одному из нас даже в голову не могло прийти. Мы прошли всю передовую от левого фланга до правого, увидели окопы, одиночные ячейки для бойцов с маленькими нишами для патронов, разложенные на бруствере винтовки и автоматы, два ручных пулемета на флангах – одним словом, все то, что и положено быть на передовой. Не было только одного – не было солдат. На всем протяжении обороны мы не встретили ни одного солдата. Только старшину. Спокойно и неторопливо, в надвинутой на глаза ушанке, переходил он от винтовки к винтовке, от автомата к автомату и давал очередь или одиночный выстрел по немцам.

Потом уже, много месяцев спустя, когда война в Сталинграде кончилась и мы, в ожидании нового наступления, отдыхали и накапливали силы на Украине, под Купянском, Конаков рассказывал мне об этих днях, когда они вместе со старшиной держали оборону всей роты.

– Трудновато было, что и говорить. Сам удивляюсь, откуда нервы взялись... Тогда еще, когда ход сообщения рыли, в роте было человек шесть бойцов. Потом один за другим все вышли из строя. Немец каждый день по три-четыре раза в атаку ходит, а пополнения нет. Что хочешь, то и делай. Звоню комбату, а он что? – сам солдат не родит. Жди, говорит, обещают со дня на день подкинуть. Вот мы и ждали – я, старшина и пацан, связист Сысоев. Сысоев на телефоне, а мы со старшиной по очереди на передовой. Постреливаем понемножку, немцев дурачим, пусть думают, что нас много. А как атака... Ну тут нас пулеметчики и артиллеристы вывозили. На насыпи, под вагонами, два станковых стояло и одна сорокапятка. Вот они и работали... Но вообще, что и говорить, приятного было мало. Особенно когда старшина на берег, на кухню ходил. Бродишь один-одинешенек по передовой, даешь редкие очереди – много нельзя, патроны для дела беречь надо – а сам как подумаешь, что вот ты здесь один, как палец, да в блиндаже Сысоев с трубкой, а впереди перед тобой, метров за пятьдесят каких-нибудь, немцев черт его знает сколько. Сейчас вот вспоминаешь, улыбаешься только, а тогда... Ей-богу, когда старшина с берега приходил с обедом, расцеловать его готов был. А когда через три дня пять человек пополнения дали, ну, тогда уж ничего не страшно стало.

Дальнейшая судьба Конакова мне неизвестна – война разбросала нас в разные стороны. На Донце я был ранен. Когда вернулся в полк, Конакова в нем уже не было – тоже был ранен и эвакуирован в тыл. Где он сейчас, я не знаю. Но когда вспоминаю его – большого, неуклюжего, с тихой, стеснительной улыбкой; когда вспоминаю, как он молча потянулся за автоматом в ответ на слова капитана, что за счет количества надо нажимать

на качество; когда думаю о том, что этот человек вдвоем со старшиной отбивал по нескольку атак в день и называл это только «трудновато было», — мне становится ясно, что таким людям, как Конаков, и с такими людьми, как Конаков, не страшен никакой враг. А ведь Конаковых у нас миллионы, десятки миллионов.

Константин Симонов

Сверчок

Мы довольно близко видели смерть
и, пожалуй, сами могли умереть,
мы ходили везде, где можно ходить,
и смотрели на все, на что можно смотреть.
Мы влезали в окопы,
пропахшие креозотом
и пролитым в песок сакэ,
где только что наши
кололи тех
и кровь не засохла еще на штыке.

Мы напрасно искали домашнюю жалость,
забытую нами у очага,
мы здесь привыкали,
что быть убитым —
входит в обязанности врага.
Мы сначала взяли это на веру,
но вера вошла нам в кровь и плоть;
мы так и писали:
«Если он не сдастся —
надо его заколоть!»

И, честное слово, нам ничего не снилось
когда, свернувшись в углу,
мы дремали в летящей без фар машине
или на твердом полу.
У нас была чистая совесть людей,
посмотревших в глаза войне.
И мы слишком много видели днем,
чтобы видеть еще во сне.
Мы спали, как дети,
с открытыми ртами,
кое-как прикорнув на тычке...
Но я хотел рассказать не об этом.

Я хотел рассказать о сверчке.
Сверчок жил у нас под самую крышей
между войлоком и холстом.
Он был рыжий и толстый,
с большими усами
и кривым, как сабля, хвостом.

Он знал, когда петь и когда молчать,
он не спутал бы никогда;
он молча ползал в жаркие дни
и грустно свистел в холода.
Мы хотели поближе его разглядеть
и утром вынесли за порог,
и он, как шофер, растерялся, увидев
сразу столько дорог.
Он удивленно двигал усами,
как и мы, он не знал, почему
большой человек из соседней юрты
подошел вплотную к нему.

Я повторяю:
сверчок был толстый,
с кривым, как сабля, хвостом,
Но всего его, маленького,
можно было
накрыть дубовым листом.
А сапог был большой —
сорок третий номер,
с гвоздями на каблуке,
и мы не успели еще подумать,
как он стоял на сверчке.

Мы решили, что было б смешно сердиться,
и завели разговор о другом,
но человек из соседней юрты
был молча объявлен нашим врагом.

Я, как в жизни, спутал в своем рассказе
и важное, и пустяки,
но товарищи скажут,
что все это правда
от первой и до последней строки.

Творческое задание.

Безусловно, вы знаете, что, помимо сюжета, в композиции произведения существуют так называемые внесюжетные элементы, которые зачастую бывают не менее важны, чем сам сюжет. К внесюжетным элементам могут относиться лирические и / или иные отступления, авторские размышления, рассуждения, высказывания, воспоминания, обращения к читателям, эпиграфы, ремарки, вставные эпизоды, художественные предварения и обрамления и др.

Выберите прозаическое произведение художественной литературы, которое особенно интересно именно вам. Назовите его и поясните, почему именно это произведение вы выбрали.

Подумайте, есть ли в этом произведении внесюжетные элементы. Если их нет, при выполнении задания сразу переходите дальше.

Какой внесюжетный элемент мог бы подойти для этого произведения, по вашему мнению?

Придумайте для выбранного вами произведения свой внесюжетный элемент. Представьте (запишите) его и письменно аргументируйте свой выбор.